

Н.Я. МАЗЛУМЯНОВА

БИОГРАФИЧЕСКИЕ ИНТЕРВЬЮ С РОССИЙСКИМИ СОЦИОЛОГАМИ: МЕТОДИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Биографические материалы — чрезвычайно ценный источник информации для истории науки и науковедения. Они позволяют увидеть мир научных идей, институций, профессионального сообщества глазами непосредственных участников событий. Интерпретации известных фактов и новые факты, в том числе из сферы повседневности, часто находящиеся за чертой «официальной» науки, но имеющие непосредственное отношение к изучаемым процессам и явлениям, позволяют показать не только признанную, магистральную линию развития науки, но и скрытые, не представленные в официальных документах ее стороны.

Данная статья посвящена описанию биографических исследований в истории и социологии российской социологии, проводящихся в последние годы, «инвентаризации» методико-методологических принципов и процедур проведения и обработки биографических интервью. В настоящее время нам известны несколько крупных проектов, разрабатывающих эту тематику. Проект «*Российская социология 1960-х годов*» (1990-е годы), отраженный в широко известной книге «*Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах*», вышедшей под редакцией Г.С. Батыгина [1]. В ней представлены интервью, мемуары, а также ряд документов из государственных и личных архивов (официальные письма, докладные и объяснительные записки, тексты выступлений на собраниях и заседаниях), имеющие отчасти биографический характер.

Проект «*Профессиональные карьеры*» сектора социологии науки Института социологии РАН (с конца 1990-х годов руководитель Г.С. Батыгин, с 2003 г. — Л.А. Козлова) в некотором смысле является продолжением первого проекта. Интервью, собранные в его рамках, частично опубликованы в «Социологическом журнале» (рубрика «Профессиональные биографии»). В архиве сектора содержится также массив анкет биографического характера, заполненных российскими

Мазлумянова Наталия Яковлевна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института социологии РАН. **Адрес:** 117218 Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5, к. 419. **Телефон:** (495) 313-4441. **Электронный адрес:** mazluyanova@comtv.ru

Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 06-06-80275а.

социологами и преподавателями общественных наук в 2000–2002 гг. На собранных материалах базируется ряд статей, вошедших, прежде всего, в изданный сектором сборник «Социальные науки в постсоветской России» [2].

Проект «*Биографии и история*» осуществляется Б. Докторовым (с 2004 г.). Он представлен серией интервью, опубликованных в журнале «Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев» (рубрика «Современная история российской социологии»), «Социологическом журнале» (рубрика «Профессиональные биографии») и журнале «Социальная реальность»; рядом статей, посвященных некоторым отечественным социологам (исторический экскурс), а также теоретико-методологическим вопросам биографических исследований¹.

Прежде всего, остановимся на эмпирической базе указанных проектов, создание которой — процесс весьма трудоемкий и требующий длительного времени. Наиболее полно эта база представлена в виде электронного ресурса, в котором аккумулированы едва ли не все основные биографические материалы обществоведов, накопленные в российской социологии. Речь идет о сайте «Международная биографическая инициатива». Рассмотрим его подробнее.

«Международная биографическая инициатива»

Сайт посвящен истории российской социологии постхрущевского периода и методологии биографического метода [4]. Авторы сайта доктор философских наук профессор Б.З. Докторов и профессор социологии Университета Невады в Лас-Вегасе, директор Центра демократической культуры этого университета доктор Д.Н. Шалин.

На сайте представлен широкий спектр материалов биографического характера, в том числе самое полное на настоящий момент собрание биографий российских социологов. Массив включает все интервью и мемуары (кроме неопубликованных) из упомянутых выше проектов, а также ряд других биографических текстов, как найденных в различных изданиях и Интернете, так и предоставленных авторами специально для данного сайта. Кроме того, на сайте содержится широкий ряд других материалов, которые имеют отношение и биографической тематике, а также к истории российской социологии.

Раздел «Интервью» составляют более шестидесяти бесед, преимущественно биографического плана, с полусотней ведущих российских социологов; время проведения — с начала 1990-х годов по настоящее время. Некоторые из респондентов (Г.С. Батыгин, Б.З. Докторов, А.Г. Здравомыслов, Б.М. Фирсов, В.А. Ядов и др.)

¹ Существует также обширная коллекция интервью «Журнала социологии и социальной антропологии», которую мы здесь рассматривать не будем, так как методические аспекты этой работы нам неизвестны.

представлены двумя-тремя биографическими интервью с разрывом в несколько лет, взятых разными интервьюерами, что дает интересный материал для сравнения. Используются материалы из «Российской социологии шестидесятых годов в воспоминаниях и документах», «Социологического журнала», журнала «Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев», а также «Журнала социологии и социальной антропологии», выпускаемого Петербургским государственным университетом, и некоторые другие журнальные и онлайн-новые публикации. Помимо биографических, в разделе содержится ряд интервью, посвященных отдельным профессиональным аспектам, состоянию и перспективам развития российской социологии. В этом же разделе представлены интервью Дмитрия Шалина на темы, связанные с поведением российских социологов в сложных, иногда критических ситуациях советских времен, участники которых оказывались перед неоднозначным моральным выбором.

Последние темы рассмотрены также в небольшом разделе «Приложения»; содержащем воспоминания очевидцев о некоторых конфликтных ситуациях 1960-х годов, в которых был задействован ряд известных социологов.

В рубрике «Автобиографии, дневники, мемуары» приводятся соответствующие материалы из самых разных источников. Это книги, журналы, публикации в Интернете; некоторые тексты предоставлены авторами из личных архивов. Данные материалы заметно различаются по шкале «личное – профессиональное»: в разделе содержатся и полновесные автобиографии (впрочем, даже самые подробные из них имеют ощутимый крен в «профессиональную» сторону, выделим автобиографии И.С. Кона и Э.В. Соколова), и сугубо тематические (профессиональные) биографии, и воспоминания об отдельных периодах жизни авторов, значимых событиях, важных исследованиях. А.Н. Алексеев представляет даже изыскания по генеалогии своей семьи.

Специальный раздел посвящен воспоминаниям социологов о своих коллегам. Это опять же тексты, весьма разнообразные по форме: развернутые биографические повествования, юбилейные записки, рассказы о совместной работе. Отдельный подраздел посвящен некрологам.

В общей сложности количество персоналий, о которых на сайте содержится информация биографического плана, приближается к восьмидесяти, и число это постоянно увеличивается.

На сайте можно найти и списки публикаций ряда социологов, а также документы, отобранные из книги «Социология шестидесятых», в которых отражены важные события из институциональной истории российской социологии, такие как создание Советской социологической ассоциации, Института конкретных социологических исследований и некоторые другие.

Еще два больших раздела содержат статьи по истории социологии и биографическому методу. Дополняет эту подборку маленький раздел «Комментарии», содержащий, в основном, размышления о самом сайте и перспективах биографических исследований

По ряду причин, прежде всего, технического характера, на сайте не отражены объемные книги мемуарного плана; в некоторых случаях, однако, на них даются отсылки (например, на четырехтомник А.Н. Алексеева «Драматическая социология»).

Описываемый проект совсем молод, он создан год назад. Развивается проект очень быстро, и иногда в самых непредсказуемых направлениях, захватывая порой темы и материалы пограничные, спорные, и формируя в процессе своего развития само представление о том, что именно должно относиться к области исследования профессиональных биографий.

Проведение и обработка биографических интервью

При изучении биографий интервью — это наиболее «управляемый» источник данных, позволяющий получать информацию целенаправленно, формулируя запрос. Рассмотрим методико-методологические аспекты тематических (профессиональных) интервью на примере трех указанных выше проектов.

Цели исследований

Проект «Социология 60-х». Г.С. Батыгин первым поставил задачу использования биографий для реконструирования истории советской социологии. В предисловии к книге он пишет, что публикация свидетельств и воспоминаний социологов является частью более широкого замысла — написать историю общественной мысли советского периода, провести объективную реконструкцию истории идей, учитывающую различные ее интерпретации.

Помимо истории идей, Г.С. Батыгин выделяет еще один важный аспект в изучении биографических материалов: это социальная история науки — «история среды, в которой создается знание, история интересов и судеб людей, история научных учреждений и школ, история науки как общественного института. Конечно, социальная история не объясняет возникновение новых идей, но возвышение и гибель “парадигм” почти всегда сопряжены с установлением и разрушением “связей”, групповой борьбой, победами и поражениями конкретных людей» [1, с. 4].

Для описания социальной истории науки могут использоваться как архивные документы — официальные и полуофициальные протоколы, которые также приводятся в книге, так и автобиографии и личные свидетельства участников событий. Однако, отмечает Г.С. Батыгин, не всегда легко определить, какое отношение имеет тот или иной факт биографии ученого к науке, где кончается наука и на-

чинаются политика, административная деятельность, частная жизнь. Такого рода трудности присущи не только биографическим описаниям, но и социальной истории в целом. Очевидно, это во многом зависит от исследовательского подхода, поставленных задач.

В качестве еще одной немаловажной цели работы называется стремление воздать должное старшему поколению советских социологов, способствовавших возрождению отечественной социологии, поколению, благодаря которому сегодня можно говорить о научной традиции и учительстве [1, с. 3].

Проект «Профессиональные карьеры». Проект является продолжением и развитием предыдущего, это исследование самой современной, сегодняшней, истории социологии и социологии социологии. Идея создания галереи портретов присутствует и здесь. Публикации в «Социологическом журнале» продолжают эту линию.

Еще одно направление проекта — это изучение судеб современных, преимущественно «рядовых» социологов, шире — социальной среды, в которой создается знание. В частности, рассматривалась специфика научной карьеры в области общественных наук в России. Г.С. Батыгиным предложена классификация карьерных стратегий, построенная на базе семантического анализа биографических нарративов [5]. Автором этой статьи определен ряд факторов, воздействующих на выбор и направление развития научных карьер, обозначены основные тенденции их построения с учетом таких аспектов, как принадлежность научного работника к определенной поколенческой группе, тип его ценностных ориентаций, структура мотиваций и их динамика; тип и уровень достижений [6]. В секторе социологии науки ИС РАН начата работа по изучению особенностей профессиональных карьер российских обществоведов в период социальных трансформаций (1900–2000-е годы) и теоретико-методологических предпочтений социологов в постсоветское время.

Данные, полученные в результате опросов, могут использоваться и для решения более узких задач, требующих информации об отдельных аспектах профессиональной жизни. Так, на базе собранного массива интервью изучались сетевые взаимосвязи в профессиональном сообществе [7]; в настоящее время эти же материалы могут использоваться для проведения науковедческого анализа теоретико-методологических ориентаций российских социологов в постсоветский период.

Проект «Биография и история». Генеральным направлением проекта является изучение современной истории российской социологии. Но сейчас, на первом этапе, на повестке дня исследования биографий тех, кто стоял у истоков советской социологии, и тех, кто шел непосредственно за ними. Отчасти это связано со стремлением автора собрать как можно больше исторических свидетельств у ныне здравствующих носителей информации о становлении социологического общества и его функционирования в годы возрождения социологии [8].

Биографические исследования предполагают два главных направления теоретического и эмпирического анализа: это история в биографиях и биографии в истории. «...История в биографиях это то, что можно узнать о становлении и развитии советской социологии из рассказов очевидцев: какие события профессионального плана они вспоминают, как они их оценивают, каким образом они сегодня, по прошествии десятилетий, видят свое прошлое». *Биографии в истории* — «это изучение того, как история страны отражена, представлена в биографиях социологов, какие социально-политические и иные реалии определяли их жизнь, что формировало их гражданские установки и профессиональные воззрения» [8, с. 14].

Автор отмечает существенные различия между исследованием истории социологии и изучением биографий социологов: 1) первая тема относится к истории науки как социального института, вторая — к социологии личности и социологии творчества; 2) историей социологии может заниматься и историк-несоциолог, в то время как «изучение судеб социологов должно делаться человеком “своего” цеха»; 3) в отличие от описания прошлого социологии, биографии социологов могут изучаться, во всяком случае, в начале исследований, на основе монографического подхода; 4) «история социологии в принципе не может быть извлечена из биографий тех, кто создавал эту науку», биографический метод здесь может быть только вспомогательным, биографии отдельных людей — выступать лишь как иллюстрации обнаруживаемых макротенденций. При изучении же судеб социологов биографический метод — основной [8, с. 12].

В дальнейшем, в развитие этого направления, планируется перейти от изучения биографий социологов к изучению их судеб. Б.З. Докторов дает свою, специфическую трактовку слов «биография» и «судьба», несколько отличную от их общепринятых значений. «Биография» — это описание жизни конкретного человека, а «судьба» — некоторое отстраненное ее осмысление, определение общего направления, тенденций, ее обусловленности различными обстоятельствами и ее влияния на судьбы других людей, развитие науки и проч. Таким образом, можно сказать, что биография человека, прошедшего свой жизненный путь, раз и навсегда определена, а судьба его может неоднократно меняться со временем. При этом понятие судьбы может относиться и к человеку, и к целому поколению [8, с. 12].

Еще одно направление обсуждаемого проекта — создание портретной галереи. При этом мотивация почти буквально совпадает с батыгинской: «В известном смысле — это знак нашего внимания и уважения к нашим учителям и коллегам, стремление познакомить как можно большее количество социологов России и других стран с их судьбами» [4].

Сделаем небольшое отступление о жанрах историко-биографических текстов. Условно их можно разместить на шкале, на

одном полюсе которой находятся преимущественно исторические тексты (история идей и институций), а на другом — тексты биографические.

Историю науки можно подавать как историю идей и/или институций с отдельными вкраплениями коротких биографических справок об известных ученых — так обычно пишутся школьные учебники. Можно, наоборот, писать подробные биографии ученых, давая современную им жизнь науки как фон (как в серии книг «Жизнь замечательных людей») или, как было показано выше, их автобиографии — автопортреты. Можно соединить в одной книге рассказы об ученых-современниках и получить таким образом описание событий с разных позиций и коллекцию автопортретов².

Борис Докторов в исследованиях по истории общественного мнения в США [10] предложил способ, позволяющий перейти от биографий к истории профессионального сообщества. Это описание профессиональной и отчасти личной жизни одновременно целого ряда людей, определяющих развитие науки, шире — своей области деятельности. Прослеживаются их творческие пути, и акцент делается на таких временных отрезках, где жизненные траектории изучаемых персонажей пересекаются, образуя *участки «сгущения»*, на которых и происходят большинство значимых для истории сообщества и, возможно, науки событий [11]. Образно говоря, по своей композиции такой рассказ напоминает венок из цветов, где в качестве цветочных головок выступает информация об отдельных акторах, а переплетению стеблей соответствует повествование об их совместной деятельности. При этом исторический подход Б. Докторова имеет еще одну специфическую черту. В результате работы с книгами, архивами, личной переписки с людьми, так или иначе имеющими отношение к изучаемым событиям, автор собирает и компокует материал, который условно можно назвать *летописью событий*. Он вводит в научный обиход новые имена и факты, структурирует их, вычлняя определенный «исторический поток», иными словами — «прорубает окно во времени», позволяя туда заглянуть всем желающим. А затем устраняется, намеренно отказавшись от комментариев. Предполагается, что заинтересованный читатель сам сопоставит и проанализирует уже препарированные для него исторические факты и его выводы могут отличаться от выводов автора; последний тоже оставляет за собой право переосмысливать информацию как просто с течением времени, так и с появлением новых данных.

² А.Н. Алексеев называет такое собрание коллективным автопортретом; правомерность подобного термина вызывает некоторые сомнения, поскольку понятие «автопортрет» подразумевает наличие единого «я» — автора, имеющего определенную концепцию совокупного результата, чего мы в данном случае не наблюдаем [9].

Отбор респондентов

В проекте «Социология 60-х» интервью проводились с основоположниками современной российской социологии, с теми, кто стоял у ее истоков; работы многих из них вошли в «золотой фонд» этой науки. Г.С. Батыгин пишет, что «вероятно, самый существенный и в значительной степени непреодолимый недостаток сборника — ограниченность круга авторов. ...Преобладают имена московских специалистов, что может создать впечатление о столичном происхождении социологического движения» [1, с. 8].

Еще одно «систематическое смещение» выборки выразилось в преобладании академической социологии над вузовской. Отчасти редактор издания объясняет это тем, что связи между высшими учебными заведениями и академическими институтами имели эпизодический характер. Во всяком случае, вузовская социология обладала меньшей дисциплинарной самостоятельностью, чем академическая и промышленная. Однако это различие в значительной мере условно, поскольку практически все респонденты преподавали социологию в высших учебных заведениях.

Большинству респондентов в изучаемый период, 1960-е годы, было по 30–40 лет, и многих из них можно без колебаний назвать «шестидесятниками». «В последнем случае речь идет об определенной этической и идеологической миссии, которую взяла на себя часть творческой интеллигенции в период “хрущевской оттепели” и после того, как она закончилась...» [1, с. 9].

Еще одна проблема связана с профессиональной идентификацией социологов. Осознавая, что попытка отделить «социологов» от «несоциологов» малопродуктивна и может повлечь за собой ряд недоразумений, составители избегали строгих критериев и в этом случае. Ведь в качестве отдельной дисциплины социология была институционализована только в 1986 году, и даже сегодня не всегда удается провести точные дисциплинарные разграничения. Социология пятидесятых и шестидесятых годов, пишет Г.С. Батыгин, существовала «без прописки», под крышей исторического материализма и других общественных наук. И далее он дает свое знаменитое определение: «...действительно, социологами можно назвать тех, кто занимался социологией» [1, с. 9].

Важной особенностью выборки является то, что помимо социологов, в нее вошли административные и партийные деятели, по роду службы оказавшие влияние на институциональное развитие социологии.

В проекте «Биографии и история» установлены более широкие рамки для отбора респондентов-социологов. Приглашались «поговорить» люди, участвовавшие в становлении постхрущевской российской социологии (от конца 1950-х до начала 1980-х), задававшие ее основную конфигурацию, а также непосредственно наблюдавшие все

происходившее. По мнению Докторова, научных центров в те годы было немного, массовой подготовки социологов не проводилось, и потому генеральная совокупность его проекта относительно невелика, ее границы расплывчаты, и ее полный охват в силу ряда причин невозможен. Кроме того, автор полагает, что «ориентация на проведение монографического исследования смягчает требования к репрезентации генеральной совокупности, тем более что, когда целью является изучение биографий, судеб людей, трудно априори очертить свойства генеральной совокупности» [8, с 12].

Указываются следующие критерии отбора:

1) наличие у респондентов электронной почты (что обусловлено выбранным способом сбора материала);

2) возраст опрашиваемых — в основном от 60 до 80 лет;

3) успешность их деятельности. Успешность не связывалась напрямую с наличием степеней и званий, должностным статусом, количеством публикаций и т. д. Речь шла скорее о признании потенциального респондента профессиональным сообществом.

Значимым фактором участия в опросе являлось наличие достаточно близкого знакомства исследователя с респондентами. Характер общения с собеседниками автор считает одним из основных методологических принципов, особенно на первых этапах исследования, а также главным техническим приемом. Близкое знакомство и добрые отношения с респондентом позволяют исследователю задавать вопросы, исходя из знания ситуации; понимать не только то, что сказано, но и то, что недосказано, и получать искренние и доверительные ответы. Важно и то, что большинство респондентов знакомы друг с другом, находились в одних и тех же ситуациях, — это позволяет увязать их рассказы в общую объемную и многогранную картину.

В число респондентов вошли социологи, участвовавшие и в проекте Г.С. Батыгина, такие как Т.И. Заславская, А.Г. Здравомыслов, Н.И. Лапин, Б.М. Фирсов, В.А. Ядов и некоторые другие, а также представители следующих за ними поколений.

Всего Б. Докторов выделяет три группы респондентов:

– шестидесятники, первая волна: здесь существенно то, что они по-разному, но сами пришли в социологию, их никто не обучал, у них не было *социологических* наставников;

– шестидесятники, вторая волна: эта группа не очень отлична от первой по возрасту. Но все включенные в нее прошли социологическую школу у представителей первой группы;

– военное поколение: родившиеся перед самой войной, в годы войны или сразу после ее окончания. Все они имели социологических наставников, руководителей [8, с. 16–17].

Поскольку цель проекта «Профессиональные карьеры» отличалась от целей двух предыдущих — изучение не истории социологии,

но профессиональных карьер социологов, шире — изучение профессионального сообщества, среды, в которой создается научное знание, критерии отбора были другими. В данном случае нас интересовал не столько «золотой фонд», сколько рядовые социологи, представители различных типов (как модальных, так и маргинальных), успешные в своей деятельности. Респонденты должны были иметь научную степень или претендовать на ее получение (аспиранты, соискатели), а также заниматься научными разработками в области социологии и/или читать лекционные курсы. Отбор кандидатур производился экспертным методом; использовалась типологическая направленная выборка. Изначально предполагалось, что у исследователя имеется первичное несистематизированное представление о ряде типовых характеристик, классификационных признаков исследуемой общности. Респонденты отбирались с учетом таких характерологических черт, значимых с точки зрения проводимого исследования. Теоретически отбор должен продолжаться до достижения выборкой состояния насыщенности, при которой информация о новых респондентах не меняет полученную типологию. При этом учитывалась специфика опроса, глубинного биографического интервью, которая вводит свои ограничения на доступность респондентов. Во-первых, поскольку опрос на этом этапе исследования проводился лицом к лицу с записью на диктофон, оставались те же ограничения, что и в проекте «Социология 60-х», то есть опрашивались в основном москвичи. Во-вторых, далеко не каждый потенциальный респондент соглашается быть таковым, поэтому в данных исследованиях также очень большое значение имеет факт личного знакомства респондента с интервьюером. На первом этапе работы был определен эмпирический порог выборки — 25–30 человек. (При анализе и построении типологизаций использовались также интервью из «Социологии 60-х».) Полученная классификация не претендует на полноту и насыщенность, она лишь показывает некоторые наиболее, как нам представляется, распространенные тенденции в этой области.

В общем можно согласиться с А.Н. Алексеевым, что «материалы “истории российской социологии в лицах” подлежат преимущественно *качественному*, а не статистическому анализу. Искажения, связанные будь то с выборкой, будь то с иными “привходящими” обстоятельствами, могут быть минимизированы лишь квалифицированной интерпретацией» [9].

Структура интервью

«Социология 60-х». Содержащиеся в книге интервью неоднородны по своей структуре и композиции. Г.С. Батыгин пишет, что первоначально предполагалось использовать стандартную схему тематизации научной карьеры: семейное воспитание, интеллектуальные и идейные влияния в юности, выбор профессии, учеба в университете,

формирование исследовательских интересов, основные труды и «вклады» в науку, расстановка сил в профессиональном сообществе, характерные эпизоды, итоги творческого пути и т. д. «К счастью, — добавляет он, — унифицированную схему повествований выработать не удалось. <...> Каждый из них (публикуемых материалов. — *Н.М.*) отличается неповторимым своеобразием авторского стиля и композиции и одновременно фокусирован на тематической программе социологии и формировании профессионального сообщества» [1, с 8]. Некоторые из опубликованных в книге интервью, действительно, сделаны по описанной выше классической схеме; другие содержат лишь незначительное количество личной информации, связанной с основными этапами творческого пути или значимыми для истории социологии событиями. Как правило, респондента просили рассказать о важных для становления российской социологии 1960-х годов событиях, в которых он участвовал. Повторяющимся элементом большинства интервью является оценка автором состояния и перспектив развития современной социологии.

«Биографии и история». По сравнению с «Социологией 60-х» интервью Б.З. Докторова более однородны и в большей степени сфокусированы на биографиях социологов. В них детально прослеживается если не личная, то хотя бы профессиональная жизнь респондентов. Структура учитывает как общие принципы построения биографического интервью, так и знания о конкретном респонденте и информацию, полученную на предыдущих этапах исследования, от других респондентов.

Автор пишет: «...мои интервью — при всей уникальности моих респондентов — это не попытка сконцентрироваться на жизни, творчестве конкретного социолога, но это желание найти нечто общее и специфическое в жизненных коллизиях первых поколений советских социологов. Постепенное осознание этого факта отражено и в переходящих из одного интервью в другое вопросах, и в появляющихся новых вопросах. Каждое следующее интервью — с новым респондентом — это не на 100% новое интервью, это не повторение, но во многом продолжение уже состоявшихся...» [12].

Отметим один интересный момент. Помимо традиционных для интервью такого рода смысловых блоков (биография респондента, его научные достижения, связанные с ним эпизоды истории профессионального сообщества, оценки респондентом различных аспектов своей науки — ее состояния, перспектив развития и проч.), интервью Б.З. Докторова, как и Г.С. Батыгина, в большинстве случаев содержат дополнительный «блок», специально не планируемый, но встречающийся в текстах достаточно регулярно. Это некоторое «послание» респондента *urbī et orbī*, свое для каждого случая, нечто важное для него, что ему хочется сказать «вообще». То есть респонденты нередко

используют ситуацию интервью как своего рода трибуну для высказывания важных для них идей. Это может быть подробный рассказ о своей книге, оценка политических перспектив, критические высказывания в адрес своих антагонистов, философские размышления о жизни или воспоминания о чем-то личном... (У Андерсена в «Снежной королеве» был сад, где у каждого цветка была своя песенка — у кого о чем...). И это отступление от общей логики тематического интервью часто является важным штрихом к портрету респондента.

«Профессиональные карьеры». Для опроса была составлена анкета (паспортчика) и путеводитель недирективного типа для слабоформализованного интервью. Путеводитель представлял собой список основных положений (тем), которые следовало осветить в интервью, в том числе: 1) основные этапы карьеры, мотивы выбора профессии; представления о профессии, типе работы при поступлении в вуз и при выборе места работы; последующие смены основных мест работы, формирование и развитие исследовательских интересов; 2) интеллектуальные и идейные влияния; 3) профессиональные контакты, связанные с: совместной работой, работой на «общем тематическом поле», получением и оказанием помощи и поддержки («учителя», «ученики»), идейным противостоянием и нанесением вреда (враги, недоброжелатели); прочие значимые контакты; 4) профессиональные достижения; 5) поколенческая преемственность в семье; 6) перспективы и проекты дальнейшей работы; 7) возможные жизненные сценарии — лучший, худший; желательный с настоящей точки зрения; 8) оценка жизненного успеха, общая удовлетворенность жизнью.

На основе этого строились следующие переменные: 1) основные события, называемые респондентом, типы событий; частота событий; связи между ними; 2) ситуации принятия наиболее важных решений («поворотные моменты», кризисные точки) и их мотивация: выбор профессии, направлений исследований, руководителей, мест работы и т. д.; 3) наличие привязанности к определенной институции (организации), частота их смены; 4) основные источники доходов; 5) взаимоотношения с научным сообществом, объем и интенсивность контактов; 6) основные источники влияния (люди, книги, идеи и т. д.); 7) достижения и виды воспризнания; 8) факторы, прямо или косвенно способствующие развитию карьеры или препятствующие ей. В дальнейшем на базе этих переменных строились карьерные профили и проводилась их типологизация.

Ни формулировка вопросов, ни их последовательность не были обязательными, однако интервьюер должен был следить за тем, чтобы в конечном итоге все основные позиции путеводителя были отражены в интервью.

В большинстве случаев полученные от респондентов тексты в ответ на стимулы — заданные путеводителем темы — можно считать

не ответами на открытый вопрос, а мини-нарративами в пределах заданной вопросом темы: ответы были пространными, интервьюер всячески поддерживал логические, ассоциативные и прочие развития темы.

При сравнении этих трех подходов видно, что их авторы не придерживаются линейной схемы диалога. Логика течения разговора и структурная логика опроса не совпадают. Тем не менее, налицо нарастание «жесткости» внутренней структуры интервью. Отчасти это обусловлено тематикой исследования. В «Социологии 60-х» на первом месте — история социологии. Цель исследователя — собрать как можно больше материала на эту тему, стимулировать воспоминания респондента. Интервьюеру известны «ключевые моменты» истории; конкретные же события, их детали, оценки — целиком прерогатива респондента. В интервью Б.З. Докторова две тематические составляющие — история социологии и личная профессиональная история самого респондента; последняя поддается определенному предварительному структурированию (родился, учился, работал там-то и там-то). Интервью сектора социологии науки, посвященные личным судьбам, в частности карьерам, дают возможность заранее обозначить их структуру, поставить некоторые тематические рамки.

Технология опросов и редактирование текстов

Все интервью, вошедшие в «Российскую социологию 60-х» и почти все интервью в проекте «Профессиональные карьеры» были проведены традиционным способом: устная беседа лицом к лицу с записью на диктофон. Опрос проводился в один-два приема, длительность каждого варьировалась в пределах 1,5–3 часов. Далее магнитофонная запись расшифровывалась, полученный текст обрабатывался редактором, в роли которого выступал интервьюер или кто-то из его группы. В последнем случае финальная вычитка делалась самим интервьюером или текст согласовывался с ним. При редактировании производился «перевод» устной, спонтанной речи в письменную с сохранением, по возможности, индивидуального стиля респондента. Корректировались оговорки, грамматические и стилистические ошибки, незавершенные, «рваные» предложения, слова с очень широким значением, неясным вне ситуации речи; убирались повторяющиеся слова типа «вот», «там», «значит». Использование респондентом невербальных каналов коммуникации — интонации, мимики, жестов — тоже нужно было хотя бы отчасти компенсировать вербальными средствами. Кроме того, текст несколько сокращался за счет устранения смысловых повторов и «второстепенных» кусков. Второстепенность определялась редактором (интервьюером), исходя из его понимания целей и задач интервью, общей структуры текста. В дальнейшем текст согласовывался с респондентом, при необходимости — неоднократно. Реакции респондентов на предъявленный им отредактированный текст интервью варьировались в очень широких

пределах — от полного принятия этого текста до совместной работы над ним вплоть до выбора конкретных слов и расстановки авторских знаков препинания; респондент мог вносить и содержательные поправки, например, выбросить какой-либо эпизод или вставить некоторый дополнительный фрагмент. Поэтому можно считать, что финальный текст интервью, будучи отчасти совместным произведением интервьюируемого и интервьюера, тем не менее, содержит именно то, что хотел сказать респондент, и именно в той форме, в которой он хотел это выразить.

Существует еще один подход к обработке текстов интервью — записывать весь разговор по возможности дословно. Такой транскрипт можно потом обрабатывать, например, методом контент-анализа, изучать значимые оговорки и нестыковки и т. д. Что же касается смыслового анализа текста, то в первом случае, при совместном редактировании, мы имеем дело с конструктом, сознательно выстроенным самим респондентом. Заметим, что автопортрет, или выбранная респондентом маска, достаточно много говорит о человеке. Во втором случае мы имеем дело с сырым материалом, который при попытке его осмысления также подвергается многократным преломлениям и искажениям в результате ряда причин: 1) содержание ответов, записанных здесь и сейчас, несбалансированно, нередко зависит от конкретной обстановки, ситуационных настроений респондента; 2) не все способны четко выразить свои мысли в режиме непосредственного реагирования; соответственно, устная, не очень гладкая речь не всегда воспринимается адекватно, возможны всякого рода искажения при восприятии, недопонимание; 3) на все это накладывается субъективная трактовка текста исследователем, которая несет отпечаток его личности. Так что может оказаться, что и респондент в конкретной ситуации сказал не совсем то, что действительно отражает его взвешенное мнение, и нечетко выразил свою мысль, а интервьюер недопонял услышанное и неверно его истолковал. В первом случае мы имеем дело с сознательным и целенаправленным искажением реальности, которое отражает личность респондента, возможно, с систематическим смещением, вызванным «работой на образ»; во втором — с неосознанным и несистематическим, непредсказуемым искажением.

В отличие от первых двух проектов, все интервью Б.З. Докорова собраны по электронной почте. Процедура интервьюирования не была прямым копированием устного интервью — обменом электронными письмами в режиме вопрос–ответ. Сам способ опроса определял и его специфику. Интервью длились несколько месяцев и включали несколько этапов.

Изначально респондент получал перечень вопросов, вернее их было бы назвать темами для обсуждения, сюжетами для рассказа. Ответы не лимитировались ни объемом, ни временем. Это является очевидным преимуществом метода: отвечать можно было в удобное

время, удобном месте, удобном темпе; поток воспоминаний, вызванный заданным вопросом, никто не направлял, не отсекал возникающие по ассоциации темы; при необходимости респондент мог вернуться к своему ответу и откорректировать его. Если в устном интервью свободный и непрерываемый ответ на заданный вопрос (заданную тему) можно считать мини-нарративом, в данном случае мы имеем дело с мини-мемуарами.

Вопросы диктовались соображениями как общего порядка (происхождение, образование, мотивы выбора профессии), так и имеющейся информацией о значимых событиях в жизни именно этого респондента, позволяющей задавать вопросы прицельно. На основе полученных ответов возникали новые вопросы — в развитие или уточнение рассказанного. В результате интервьюер получал достаточно полную информацию об опрашиваемом. Это позволяло ему выделить значимые темы, существенные для данного респондента сюжеты, и развивать их в дальнейшем.

Б.З. Докторов поясняет: «Отмечу еще один момент, который трудно формализовать. Я бы назвал его чувством меры или баланса. Я ощущаю, о чем и кому хочется поговорить... в таких случаях я отпускаю вожжи... Правда, потом немного меняю структуру интервью, так что структура читаемого текста не совпадает со структурой разговора...» [12]. Переписка продолжалась до тех пор, пока оба участника беседы не сочтут тему (в широком плане) исчерпанной.

Следующий этап — структурирование текста, оформление его композиции. Готовое интервью выглядит не так, как реальный диалог в письмах. Исследователь располагает материал в соответствии с выбранной им схемой, которая базируется как на стремлении следовать хронологическому порядку, так и на логическом развитии поднятых в интервью тем.

Далее проводится отбор тех фрагментов текста интервьюера, которые войдут в финальный текст. Поскольку переписка длится долго, к одним и тем же воспоминаниям возвращаются многократно и с разных сторон, необходимо отобрать материал, наиболее полно и четко выражающий позицию автора, убрать повторы, необязательные (по взаимному согласованию) места. В значительной мере это вызвано соображениями чисто практического порядка: все эти интервью публиковались в журналах, 2 а. л. — обычно максимальный объем, предоставляемый журналом.

И наконец, непосредственно литературное редактирование. Отчасти оно упрощалось тем, что изначально приходилось иметь дело с напечатанным текстом, минуя трудоемкий процесс расшифровки звуковой записи. Промежуточные и финальный варианты, естественно, согласовываются с респондентом, таким образом, можно считать, что происходит авторизация текста интервью его автором — интервьюируемым.

Во всех приведенных случаях в итоге мы имеем *отредактированный и многократно (на разных этапах) согласованный с респондентом текст*, который в дальнейшем может быть опубликован и использован другими исследователями в их работе. Для заявленных в данных проектах целей это оптимальный вариант.

Особенностью данного метода является длительность работы с каждым конкретным респондентом; однако при этом возможно опрашивать параллельно несколько человек, так что исследование в целом занимает примерно столько же времени, сколько и устное интервьюирование с последующей обработкой результатов — расшифровкой, редактированием, согласованием текста с респондентом и проч.

Представляется, что из описанных методов проведения интервью опрос по электронной почте наиболее удобен и дает наилучшие результаты. Надо заметить, однако, что этот способ опроса предъявляет определенные требования к интервьюеру, о чем будет сказано ниже. Здесь остановимся на преимуществах данного метода:

1. Снимается ряд ограничений с выборки, в частности, расширяется география опроса.

2. Облегчаются технические задачи — нет необходимости расшифровывать магнитофонную запись и в дальнейшем ее обрабатывать, то есть превращать часто несвязную устную речь в полноценный текст.

3. Ситуация устного интервью, проводимого в режиме реального времени, провоцирует появление искаженных, неадекватных ответов. Такие ответы могут быть вызваны ситуативным настроением, влиянием посторонних, временных факторов. Кроме того, в процессе рассказа возникает некая внутренняя его логика, которая подчиняет себе рассказчика. Из множества оттенков описываемых переживаний он произвольно выберет те, которые впишутся в логику рассказа, а настоящие переживания часто бывают противоречивыми. Одни и те же события в разных ситуациях могут быть оценены по-разному. Возможность спокойно обдумать ответы нивелирует эти случайные факторы.

4. Респондент видит перед собой текст беседы целиком, это также позволяет ему взвесить свои ответы, соотнести их друг с другом, лучше понять задаваемые вопросы. При необходимости можно вернуться и исправить текст сколько угодно раз; развить наиболее важную для себя тему, убрать то, что покажется нежелательным, то есть не только максимально полно и четко ответить на вопросы, но и решить задачи более общего плана: выстроить рассказ целиком, дать оценку людей и событий, создать собственный образ. Можно считать, что именно такой вариант позволяет получить настоящие, продуманные и взвешенные ответы респондента.

Остается открытым вопрос о доверительности такого рода беседы. Большинство интервью, проведенных Б.З. Докторовым, отличаются особой открытостью, искренностью респондентов. Это связано,

прежде всего, с личными особенностями интервьюера, часто давним знакомством участников беседы. «Подозреваю, что о многом из того, о чем я говорю со своими собеседниками, мало знакомые с ними интервьюеры побоялись или постеснялись бы даже спросить. Да и вообще, по-моему, только люди, доверяющие друг другу, способны несколько месяцев обсуждать жизнь одного из них. Ведь биографическое интервью — это сложная, интимная материя» [4]. Как эта особенность данных интервью связана со способом их проведения, — вопрос открытый. Не ясно также, будет ли такой же результат у других исследователей, в ситуациях, когда интервьюер и респондент малознакомы или незнакомы. Очевидно, все зависит от обстоятельств. С одной стороны, если при интервью лицом к лицу между собеседниками возникает раппорт, то, глядя в глаза заинтересованному слушателю, человек расскажет больше и будет искреннее. С другой — возможно, исповедальности более способствуют воспоминания наедине с собой, когда респондента не нервнрует находящийся в поле зрения диктофон и сидящий перед ним человек.

К недостаткам метода можно отнести то, что больша́я часть работы перекалывается на респондента. Далеко не каждый респондент готов приложить длительные и систематические усилия для этого, здесь требуется сильная мотивация.

Б.З. Докторов использует еще один способ получения интервью — путем реконструкции и наращивания интервью респондентов, взятых у них ранее другими исследователями. В таком случае к старому интервью присоединяется еще одна часть, в которой продолжают и развиваются поднятые ранее темы с учетом временных изменений, а также обсуждаются и новые вопросы, интересующие исследователя.

О роли интервьюера

Все исследователи сходятся на том, что брать биографическое профессиональное интервью у социологов должен: (а) социолог; (б) социолог, знакомый с тематикой (историей, состоянием современной социологии), знающий ее основных акторов; (в) социолог, имеющий непосредственное отношение к проводимому исследованию, тот, который в дальнейшем и будет работать с собранным материалом. Тогда он сможет, во-первых, при необходимости работать с первичной, более широкой (нереданрованной) версией интервью; во-вторых, интерпретировать материал в той логике и этике, в которых задавал вопросы.

Как уже показано выше, интервью, вошедшие в «Социологию 60-х», были наименее регламентированными как для респондента, так и для интервьюера. Такой порядок опроса предоставлял интервьюеру огромный простор для творческой инициативы. От него требовалось хорошее знание обсуждаемого предмета, а также целей и задач исследования.

Интервью Доктора отличалось от интервью из «Социологии 60-х» следующим. Во-первых, от интервьюера не требовалось мгновенной реакции. Во-вторых, часто вопросы были более прицельными, личными. Как отмечено выше, это связано с тем, что в большинстве случаев интервьюер был хорошо информирован о профессиональной жизни респондента. Наконец, в-третьих — в результате этой переписки материала набиралось больше, чем можно было реально опубликовать, и у исследователя возникала необходимость сократить имеющийся текст, выбрать наиболее важные темы и фрагменты (конечно, согласовав свои действия с респондентом). Очевидно, что в обоих исследованиях, особенно во втором, выполнять рассмотренные работы мог только сам исследователь.

Что касается интервью проекта «Профессиональные карьеры», собранных после выхода книги «Социология 60-х» с общей целью исследования профессиональных карьер, то для них был создан путеводитель, и в принципе опрос мог проводить любой грамотный социолог. Однако у разных интервьюеров, работавших в этом исследовании, обнаружили разные результаты.

На основе проведенных интервью можно выделить три подхода к опросу с путеводителем:

1. Интервьюер-исследователь придерживается общего направления исследования, путеводителем не пользуется. С респондентом знаком, очень хорошо ориентируется в исследуемой области. Результат: «штучная работа» — яркие и точные портреты респондентов. Однако полученные материалы оказались сопоставимыми не по всем параметрам. Кроме того, иногда получался «разговор посвященных», некоторые фрагменты которого «человеку со стороны» непонятны; например, могут обсуждаться отдельные факты, которые ранее не упоминались и не объяснялись.

2. Интервьюер-исследователь хорошо ориентируется в теме, придерживается вопросника «в общем», при этом развивает его перспективные для данного респондента направления и лишь слегка касается «неперспективных», довольствуясь полученными краткими ответами. Интервью уступают предыдущим в яркости, рельефности портрета, поскольку включают второстепенные, не доминантные для данного респондента характеристики, но сопоставимы по большинству позиций.

3. Интервьюер исследователем данной темы не является, подходит к делу добросовестно, но формально. «Перспективных», профильных и непрофильных для данного респондента вопросов не различает. В результате интервьюер «закрывает» важную для респондента тему, когда тот готов еще многое сказать, и, наоборот, пытается развить второстепенные, проходные вопросы до «приличного» с его точки зрения объема ответа. Ответы респондента более короткие и формальные, чем в предыдущих случаях.

Если в двух первых случаях многие ответы респондента можно рассматривать как мини-нарратив, то здесь мы имеем просто ответы на открытые вопросы.

Во всех трех проектах опросы представляют собой свободную беседу двух специалистов, а полученные интервью в какой-то мере являются их совместным «продуктом». Интервьюер помогает респонденту вспомнить нужные события, выразить на них свою точку зрения, а также нарисовать свой портрет — то, каким респондент себя видит, каким он хочет, чтобы его видели другие, с учетом как личных вкусов, так и существующих в обществе моделей, стереотипов. Имеет место и совместное обсуждение и осмысление ряда проблем, часто не вмещающихся в рамки изначально обозначенного предмета — собственно биографии респондента и истории социологии. Для того чтобы разговор был доверительным, желательно, чтобы собеседники были достаточно хорошо знакомы, находились в добрых отношениях. Немаловажную роль имеет и статус опрашивающего: поскольку в качестве респондентов нередко привлекались достаточно «крупные» фигуры, их собеседник должен обладать соответствующим высоким рангом (не обязательно институционализированным), чтобы иметь возможность разговаривать с ними на равных — только тогда возможно совместное творчество.

При проведении биографических исследований возникает и ряд проблем этического характера.

На этапе рекрутирования респондентов. Кого опрашивать? Надо ли приглашать тех, кто не вызывает у исследователя симпатий и тем не менее необходим для создания представительной выборки, анализа различных позиций? Как соединить в одном исследовании непримиримых антагонистов, людей из разных политических, идеологических лагерей? Как быть, если некоторые из них, одинаково значимые для целей исследования, не испытывают желания участвовать в одном и том же мероприятии?

На этапе опроса. Можно ли задавать провокационные вопросы, выставляющие собеседника в невыгодном свете? Как быть с негативными характеристиками, которые опрашиваемые дают своим коллегам? Если интервьюер не разделяет позицию респондента, считает его заявления не соответствующими действительности или оскорбительными для кого-нибудь, должен ли он способствовать распространению таких заявлений, что произойдет при публикации интервью? Должен ли вообще интервьюер демонстрировать свою позицию респонденту или будущим читателям — хотя бы в принципиальных случаях? В частности, Б.З. Докторов отмечает, что ему приходилось просить респондентов снять или смягчить слишком резкие оценки деятельности или высказываний их коллег. «Есть точка зрения, — пишет он, — согласно которой все произнесенное опрашиваемыми должно

сохраняться, ибо эти оценки — часть жизненных реалий и характеристика сознания людей. ...На практике следование ей способно привести к появлению в печати массы заявлений, суждений, потенциально “напрягающих” наше и без того далекое от единства социологическое сообщество» [8, с. 13–14].

***

В заключение необходимо отметить важное общее свойство информации, содержащейся в автобиографических материалах, — ее относительную верность, условность.

Прежде всего, это связано с субъективностью, которая проявляется и при отборе описываемых эпизодов, и при их трактовке. Так, Д.Н. Шалин, являясь свидетелем ряда событий, описываемых респондентами Б. Докторовым, отмечает определенную тенденциозность авторов, стремление их представить себя в лучшем свете, исключение из рассказа эпизодов, которые не вписываются в рисунок выбранной роли [13]. К сожалению, для человека со стороны этот аспект автобиографических повествований скрыт. Кроме того, на само видение описываемых событий накладывают отпечаток особенности личности респондента: разные люди одни и те же события понимают и оценивают по-разному. Еще один немаловажный момент, отмеченный Б.З. Докторовым: человек, вспоминая далекие события, свои давние поступки, — это часто совсем не тот человек, который некогда наблюдал эти события и совершал эти поступки; за прошедшие годы он изменился, и нередко оценивает прошлое со своих современных позиций, с учетом своего нынешнего опыта [12].

Помимо прочего, многие авторы автобиографий цензурируют свой текст, соотнося сказанное и написанное с возможными последствиями, образами себя и других, которые они хотят создать, своими представлениями о социальной желательности результата. Это делается как сознательно, так и произвольно.

Наконец, поскольку обсуждаемые события отдалены во времени, что-то забывается, путается, смещается последовательность событий, могут называться неверные имена и даты.

Поэтому то, насколько полученная автобиографическая информация полна, более того, в чем и насколько она правдива, — вопрос открытый. По большому счету, все «рассказанное» относится лишь к текстовой реальности, реальности социального дискурса, определить границы которого — отдельная задача.

Г.С. Батыгин в своей книге отмечает: «Свидетельства от первого лица... способны создавать миражи. ...“Устные истории” кажутся более интересными, чем документированные источники, потому что создают впечатление подлинности и безыскусности факта. ... Искренность переживания не гарантирует достоверности наблюдений, особенно

если наблюдатель наблюдает самого себя. ... Не подлежит сомнению необходимость их (личных свидетельств. — *Н.М.*) источниковедческой экспертизы» [1, с. 6–7].

Но в целом, несмотря на указанные выше ограничения, при взвешенном подходе, в сочетании с объективными документами, биографические исследования позволяют реконструировать реальное развитие и реальное (на разных временных срезах) состояние изучаемой области — российской социологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; Ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999.
2. Социальные науки в постсоветской России / Под ред. Г.С. Батыгина, Л.А. Козловой, Э.М. Свицерски. М.: Академический Проект, 2005.
3. The International biography initiative [online]. Date of access: 12.04.2007. <<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html>>
4. «Международная биографическая инициатива»: между Россией и Америкой: Интервью с Б. Докторовым [online]. Date of access: 12.04.2007. <<http://polit.ru/science/2006/08/16/dohtur.html>>
5. *Батыгин Г.С.* Карьера, этос и научная биография: к семантике автобиографического нарратива // Вестник / Тюменский гос. нефтегазовый университет; Научн.-иссл. институт прикладной этики. Вып. 20: Моральный выбор / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. Тюмень, 2002. С. 106-119.
6. *Мазлумянова Н.* «Жизнь в науке»: концептуальная схема и предварительные описания биографических материалов российских социологов // Ценности гражданского общества. Вестник. Вып. 23. Тюмень: НИИ ПЭ, 2003.
7. *Батыгин Г.С., Градосельская Г.В.* Сетевые взаимосвязи в профессиональном сообществе социологов: методика контент-аналитического исследования биографий [online]. Date of access: 12.04.2007. <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/batygin_biocontent.html>.
8. *Докторов Б.* Биографии для истории // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 1. С. 10–22.
9. *Алексеев А.Н.* Биография. Наука. История: К созданию коллективного автопортрета российских социологов [online]. Date of access: 12.04.2007. <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/alekseev_bioscience.html>
10. *Докторов Б.* Отцы-основатели: история изучения общественного мнения. М.: ЦСП, 2006.
11. *Докторов Б.* Джон Уонамейкер и Джон Пауэрс: начало многих дорог // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2006. № 6. С. 27–38.
12. Электронное письмо Б. Докторова Н. Мазлумяновой от 6 марта 2007 г.
13. *Shalin D.* Dmitri Shalin's comments on the history of Russian sociology project [online]. Date of access: 12.04.2007. <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Supplements/shalin_comments1.html>